

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО
И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

АНДИЖАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени З. М. Бобура

РЕФЕРАТ

ПО ПРЕДМЕТУ: *«История русского языка»*

ТЕМА: *«История именных форм глагола. Инфинитив.
Супин»*

ВЫПОЛНИЛА: *студентка группы З «Б» III-курса
отделения русского языка и литературы
филологического факультета АГУ
Сулаймонова Айгул*

ПРОВЕРИЛ: *старший преподаватель АГУ
Богданович Г.А.*

Андижан-2013

ПЛАН

1. Инфинитив.
2. Супин.
3. Неопределённое наклонение.

Именными формами глагола являются инфинитив и супин.

Инфинитив (от лат. *infinitivus* — неопределенный) (неопределенная форма глагола, устаревшее неопределенное наклонение), неличная форма глагола, представляющая действие (состояние, процесс) безотносительно к категориям лица, числа и наклонения; называет действие вне его связи с субъектом.

Супин (лат. *supinum*), или *достигательное* наклонение, имеющееся в индоевропейских языках, представляет собою особый вид неопределенного наклонения, с которым часто имеет точки соприкосновения и даже совсем совпадает, как, напр., в позднейшей истории некоторых отдельных индоевропейских языков (новых славянских — русского, польского и др.). Как и неопределенное наклонение, супин представляет собою падежную форму отглагольного имени существительного, имеющего отвлеченное значение (имя действия = *nomen actionis*). Обыкновенно именем «супин» обозначают именно винительный падеж единств. числа отглагольного имени существительного, образованного при помощи суффикса *-tu-*, который еще в индоевропейском языке часто употреблялся в таких именно образованиях. Так, имеем: санскр. *gantu-*, *gātu-* "дорога, ход", лат. *ad-ventu-s* = приход; санскр. *pitú-* "сок, напиток, пища", греч. *πι-tu-ς* "пихта" (от смолистого сока). Разные падежи подобных отглагольных имен существительных на *-tu-* в санскрите имеют значение так наз. неопределенного наклонения: вин. падеж ед. ч. *ṣṛó-tum* (в ведийском и классическом санскрите), дат. падеж ед. ч. *ṣṛó-tave* (как слав. *сынови*), родит. и отложит. падежи ед. ч. *ṣṛó-tos* (как слав. род. ед. *сыну, дому*), последние две формы свойственны были только ведийск. санскриту (корень здесь *ṣri-* *ṣro-* = слушать, слышать). Формы латинского и старославянского супина отвечают именно таким формам, как санскр. неопределенное наклонение на *-tum* (*ṣrotum* = слышать). Такой первичный винит. падеж ставился в индоевроп. языке, по-видимому, только после глаголов движения, чтобы обозначить цель этого движения. В таком значении, напр., стоит он в Ригведе (кн. I, г. 164): *kó vidvâsam úpa gat prásh-tum etát* = кто

пошел к мудрецу, чтобы его об этом *спросить* (*práshtum*). При других глаголах он употребляется в санскрите крайне редко (при глаголе *ci* = устанавливать свое намеренье, и *arh* = мочь). В позднейшем классическом санскрите эта форма вытеснила все остальные, в латинском же, литовском и славянском супин остался в первоначальном употреблении. В латинском супин имеет глагольную конструкцию, между тем как в литовском и славянском при нем стоит родит. падеж, который можно рассматривать как родительный приименный (адноминальный). Примером славянского супина может служить, напр., в Остром. Еванг. (Лук. VIII, 5): *изиде сеяй спят* или *възведен бысть Иисус. искусься от диявола* и т. д. В древнерусском супин несомненно употреблялся еще в XIII—XIV вв. Так, в договорной грамоте смоленского князя Мстислава с Ригю 1229 г. находим: "русину не звати латина на поле *битъся* у Руской земли, а латинину не звати Русина на поле *битося*" (о вм. ъ); в договорной грамоте Новгорода с кн. тверским (1265 г.): "ти, Княже, ездити лете (летом) звери *гонитъ*" (гонять зверя, охотиться); в такой же грамоте 1325—1326 г.: "а лете на озвад зверий *гонитъ*". В Лавр. летописи (1377 г.) случаи супина также очень часты: "посла *искать* брата, егда придет бог *судитъ* земли" и т. д. Эти формы супина впоследствии путем контаминации с неопределённым наклонением на *-ти* дали современную русскую форму неопр. наклонения на *-т'* (-ть). Первые образчики этих новых форм супина-инфинитива, возникших на почве безразличного употребления супина и неопределённого наклонения (ср., напр., в Лаврентьев. летописи: "да поидете *княжитъ* и *володети* нами"), попадаются уже в памятниках начала XIV в., напр. в грамоте рижан 1300 г.: "шол стемь человеком соли *веситъ*", или в грамоте князей Кейстуга и Любарта к торунянам (после 1341 г.): "а кто поидет с сею грамотою... *торговать* ис торуня" и т. д. Таким же путем возникли аналогичные формы в яз. чешском, словацком, польском, лужицком. В сербском осталось только неопр. наклонение на *-ти*, а супин совсем утрачен. Остатками настоящего славянского супина в современном русском языке являются формы неопр. наклонения у глаголов с корнем на заднеязычный согласный, как *печь, лечь, мочь, стеречь*, отвечающие старославянскому супину *пейть, леить, могить, стрейть*. И та, и другая форма восходят еще к праславянским новообразованиям, созданным под влиянием неопределённого наклонения на *-шти*, как *пейшти, лешти, мошти* и т. д. Настоящий супин от корней *пек-, лег-* был бы **пек-т, *лепт*, откуда получились бы малорельефные формы **пет, *лет*, в которых корень *пек-, лег-* не чувствовался бы совсем. Очевидно, что формы супина *печь, пейть, лечь, леить* возникли к неопред. наклон. *пейшти, печи, лешти, лечи* по типу отношений: *нести — нест, плести — плест, носить — носит* и т. д. Кроме рассмотренной обыкновенной и очень частой формы супина, славянский язык обладал еще другой формой супина, или неопределённым наклонением, на *-у*: "да не мнетъ ново

что *быту*" = ne putent novi quid esse; "аште жена нечиста се мнить *быту*" = si mulier impura videtur esse и т. д. Эти формы на *-ту* могут представлять собой древний местный падеж ед. ч. отглагольных имен существительных с суффиксом *-tu-* (ср. такие местные падежи, как *дому*, *долу*, *сыну*, санскр. *sûnâu*). С ними можно было бы сравнить редкие также латинские формы супина на *-u*: *datu* вместо *datum*. Дельбрюк ("Vergl. Syntax der indogerm. Sprachen", т. II, 1897, стр. 475) считает последнюю форму специально-латинским образованием, но слав. форма говорит в пользу общеиндоевропейского происхождения обеих этих форм. К истории русского супина см. Кочубинского, "Как долго жил русский супин" (в "Филолог. записках" 1872, т. XI). Об индоевроп. супине см. Brugmann, "Grundriss der vergleich. Grammatik der idg. Sprachen" (т. II, стр. 440 след. и 1413 сл.).

Неопределенное наклонение (грамм.) — представляет по форме косвенный падеж (дательный, местный, аблатив или отложительный) существительного одного корня с глаголом, к которому оно принадлежит. Существительное это, обозначая отвлеченное действие (*nomen actionis*), примкнуло к глаголу и стало соединяться с тем же падежом, какого требует глагол. Этот процесс совершился в различных индоевропейских языках в различное время, чем и объясняется большое разнообразие суффиксов неопределённого наклонения в различных языках. Начало этого процесса восходит к индоевропейской древности, на что указывают такие соответствия, как санскрит. *davâne*, греч. (аттич.) *δοῦναι* — "дать". Неопределённое наклонение собственно не относится к наклонениям, так как не выражает никакого отношения говорящего к действию, обозначаемому глаголом.

Церковно-славянские формы на **ти** представляют первоначальный дательный падеж существительного, на что указывает частое употребление дательного падежа при неопределённом наклонении (например, *быть беде*). Другая древняя конструкция неопределённого наклонения с именит. единственного, встречающаяся в северных0 великорусских говорах (например, "сломить те голова"), также свидетельствует о древнем дательном значении неопределённого наклонения. Великорусские формы с окончанием *-ть* представляют собой контаминацию форм неопределённого наклонения на *-ти* с формами супина на *-т*. Древнее окончание *-ти* сохраняется в русском до сих пор в том случае, если на нем лежит ударение, как *нести*, *вести* и т. п. Если же ударение лежит на корне или на глагольной основе, то окончание неопределённого наклонения является в виде *-ть* (окончание супина, видоизмененное влиянием суффикса *-ти*, где *t* мягкое). Этим объясняется, что в русском языке неопределённое наклонение приняло на себя также функцию супина на *-т*, который в церковно-славянском и древнерусском языках

употребляется при глаголах движения для обозначения цели, подобно латинскому супину на *-tum*. Слияние супина и неопределённого наклонения произошло вследствие звукового сходства их суффиксов и началось уже в древнейший период как русского, так и церковно-славянского языка. Кроме окончаний *ти, ть*, у глаголов, корень которых оканчивается заднеязычным согласным (*г, к, х*), наблюдается неопределённое наклонение на *чи, чь*: *печи, печь, мочь* и т. д. Окончание это возникло вследствие сочетаний *кт, гт, хт*, дававших в русском языке перед небными гласными согласный *ч*. В народном языке в таких формах неопределённого наклонения нередко заметно восстановление исчезнувшего коренного заднеязычного согласного, перенесенного из родственных форм, где он сохранился — например народн. *легчи, бегчи* вместо *лечь, бечь*, потому что есть *лёг, бегу* и т. д.

Список использованной литературы

1. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 2000.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. М.,2000.
3. Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. М.,2001.
4. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М.,2000.
5. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 2003.
6. Иванов В.В., Сумникова Т.А., Панкратова Н.П. Хрестоматия по истории русского языка
ка. М.,2000.
7. Им С.Б. Историческая грамматика русского языка. Ташкент, 2005.
8. История русского литературного языка. Курс лекций. Ташкент, 2000.
9. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М.,1999.
10. Кожин А.И. История русского литературного языка. Хрестоматия. М.,1989.
11. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка. М., 2000.
12. Львова И.С. История русского литературного языка. Тексты лекций. Ташкент, ТГПУ, 2001.
13. Львова И.С., Хегай В.М., Шим Л.В. История русского литературного языка (конец XIX-XX вв.), 2004.
14. Мирочник Е.Ш., Шереметьева А.Г. История русского литературного языка (части 1,2). Ташкент, НУУз, 2003.
15. Судавичене Л.В., Сердобинцев Н.Я., Кадькалов Ю.Г. История русского литературного языка. Л.2000.
16. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М.,2000.